

САЛАИР В МОЕЙ СУДЬБЕ

«...Вот и вышел паренек!»

Накануне юбилея моего родного Салаира я вдруг вспомнил себя, свое детство шестилетнего мальчишки. Память высветила холмы – тогда они были для меня огромными горами. По склону одной из гор тянется дорога, вдоль которой в самом низу строились дома. Рядом находилось несколько лесоскладов. На одном из них, недалеко от нашего дома, а от дома деда Вани сразу за огородами, была двухэтажная пилорама, где заготавливали и пилили лес. И вокруг нашей улицы тоже рос лес. Так и называли наш маленький тогда, но очень красивый поселок – часть Салаира – Лесной.

На улице Кирова в доме №4 и жили мы с отцом Сергеем Сергеевичем, мамой Анной Ивановной и сестренкой Таней. За домом был сарай, откуда всегда доносилось мычание коровы. Вот и вижу себя с хворостинкой в одной руке и узелком с едой в другой. Вечером, когда коров пригоняли с выпасов, я, мой шестилетний тезка Сашка и семилетний Витка гнали коров на вечерние выпасы на склон горы. Постепенно мы, маленькие пастушки, набирали на улице около десятка коров. Не доходя до здания пожарной команды рудника, мы останавливались. Коровы лакомились сочной травой, а мы ели клубнику, землянику и все, что нам в котомки родители положили. В них мы находили яйца, творог, молоко со сметаной, а самое главное – кусочки желтого масла в чистой холщовой тряпичке. На воздухе все это казалось нам необыкновенно вкусным и сытным. Вечером, когда яркое солнце пряталось за тайгу и дома как будто отступали, мы разводили костер. Дрова для него мы «занимали» на лесоскладе, куда под покрывалом вечерних сумерек мимо охраны пробраться было нетрудно. Пекли картошку, румянили на огне оставшийся хлеб.

И вот однажды, не помню кто принес пачку «термоядерных» сигарет. Мы сели поближе друг к другу, курили, хорохорясь, когда от затяжек выворачивал все нутро кашель. И вдруг словно из-под земли перед нами выросла длинная фигура нашего участкового милиционера Василия Алейникова. Он отодрал нас за уши, отругал сурово и доставил по домам на «довоспитание» в руки родителей. А уж что было у них в этих самых руках, одним нам было известно! (На стене в моей комнате, на самом видном месте с тех самых пор мой «кожаный воспитатель» поселился надолго).

На нашем холме было два колодца, из которых вытекали родники. Они превращались в ручейки, где даже голяны с пескоструйками водились на радость нам. Вот там-то мы и набирали воду для питья. Вскоре родники обмелели и воды стало мало. Вот почему порешили, что к нам на Лесной проведут водопровод. Докатилась цивилизация и до нас. Родители хотели завести воду и в наш дом, но когда стали рыть траншею, то увидели, что дорога, которая тянулась через весь Лесной, была почти на метр отсыпана породой с Гавриловских золоторудников. Это была знаменитая Екатерининская дорога, по которой из тайги вывозили лес. Я даже старинные екатерининские монеты тогда нашел – вот радости-то было!

...А вот память высветила такую картинку моего детства: огромная, как мне тогда казалось, тайга, мы вместе с дедом Ваней едем по ней. Поднимаемая пылью столбом, лошади весело бегут под горку. Мы с дедом о чем-то говорим. По сторонам дороги стоит тайга. Тень от деревьев падает на телегу, и нам ехать вовсе не жарко. Вот только мухи – назойливые и противные да пауты не дают вздремнуть. Но вот впереди показывается первый домик, потом еще и еще. Это Осиповка, где живет моя старенькая слепая прабабушка. Она улыбается, угощает очень вкусным, каким-то особенным медом, гладит меня по голове и бормочет что-то вроде: «Сильный будет хлопчик, дюже сильный, матерущий». Потом она отплевывает меня умываться к колодцу с холодной и тоже очень вкусной водой, дает деньги и я бегу вприпрыжку в ближайший магазинчик за покупками для нее и гостинцами для себя.

А потом мы с дедом идем за колбой. Он впереди, а я – сзади, тропка очень узкая. Вдруг из-под ног вспархивают маленькие серенькие рябчики. Я даже вздрагиваю от неожиданности, хотя и до этого сердце в пятках было, потому что тайга суровая и дикая, а в ней, как известно, и медведь-батьюшка живет. А вдруг он на нас выйдет? Он же здесь хозяин везде. Говорили даже, что он в Осиповку приходил на пасеку. А рябчики усаживаются на ветках и как будто здороваются с нами: «Здорово, человеки! Добро пожаловать в наше царство лесное!» Ну совсем как в сказке! А мы идем и замечаем, где пуще цветет малина, смородина, калина, чтобы потом прийти сюда за урожаем.

Да, в Осиповке мне было волно, хорошо среди этой красоты так, что уезжать ну совсем не хотелось. Чуть дальше я жил здесь во время сенокоса. Взрослые косили, копнили, а я занимался своими детскими забавами или просто сидел и зачарованно созерцал этот чудный таежный уголок. Дама, в Салаире, я любил посидеть у стога ароматного сена с книжкой – очень рано начал читать – и вспоминать Осиповку, прабабушку и вкусную воду из колодца.

А еще помню, что в 5-6 километрах от Осиповки был лесозаг, где в длинных бараках жили рабочие. Они валили лес и отвозили бревна к нам на лесопилку. Бревен было не считано. Мы сдирали с них кору и добывали для рыбалки белых жуков-короедов. Отходы – обрезки, опилки – нам разрешали брать домой. Жители с удовольствием пользовались этим разрешением, и кто в мешках, кто на тележках развозили добро по домам. Зимой все сгодится – морозы-то здесь лютые.

Что еще вспоминается? А как мы с отцом в Сосновку ездили на мотоцикле «Иж-49». Я сидел на бачке и, видимо, не очень крепко держался на нем. На одной из тропинок, которая проходила над небольшим омутом, была скрытая водой колдобина. Мотоцикл подпрыгнул и я – бултых в воду! Отец испугался больше меня. Он отряхивал с меня тину и траву и приговаривал: «Ишь, постреленок, всю рыбу распугать надумал! Она, поди, со страху померла вся!» А я не успел испугаться – все случилось очень быстро. Потом на этот омут я на велосипеде на рыбалку ездил. Дед Ваня смастерил мне удочку, на которой вместо лески был конский волос. Мой дед Иван Прокопьевич Нехорошев был и пожарным, и краснодеревщиком, и пасечником. Когда по Лесному стали ездить трапичники на телегах, мне купили у них леску и крючки – настоящие!

...Вот такими яркими были картинки моего салаирского детства. Нет, пожалуй, еще одно помню четко. Меня поставили на табуретку и я звонким голосом запел частушку, которую разучила со мной мама:

Я на печке рос,
Меня ветер снес.
Я залез на пенек –
Вот и вышел паренек!

Все весело случилось, а я гордился своим успехом – это было мое первое сольное выступление.

Александр
Гавриленко

АНАТОЛИЙ ОВЧИННИКОВ

Здесь родился

Я душой к Салаиру прирос.
В городке этом
память согрета.
Здесь родился,
здесь выжил, здесь рос
Средь сибирской метели,
среди лета.
В глубине этих руд
побывал,
Знаю меру труда,
меру соли.
Здесь беспечно
себя прожигал

И страдал
по утраченной доле.
Годы, будто следы
вперехлест.
Время лечит,
а боль исцеляет.
Уж давно унесли на погост
Тех, о ком мое сердце
страдает.
Уж апрель пробудился
около,
Ветра вешнего
запах бродят.

Слава Богу, есть памятник,
крест,
С ними люди
дорогу находят.
С ними веришь
в небесную твердь.
Знаю, жизнь до конца
не избыта.
Для кого-то
открыта уж дверь.
Для меня она также
открыта.
Апрель, 2001 год

ПОЭТЫ - САЛАИРУ

Воспеваем город свой

АННА
ПЫРСИКОВА

Салаир мой –
город романтиков,
Город буйных ветров
и вьюг,
Где созвездья огней
заманчиво
В час вечерний
к себе зовут.
В тихий вечер
по улочкам города
Я брожу, улыбаясь луне,
А деревья, седые
от холода,
Чуть заметно кивают мне.
Я люблю мой город
заснеженный,
Где снега голубей небес,
Где на фоне просторов
безбрежных
Гордо высится синий лес.

1965 год

Кубалда

Здравствуй,
речка Кубалда,
Здравствуй, непоседа!
Ты мне рада, как всегда,
Завела беседу,

Зажурчала по камням
Да по перекатам.
Всё приветствуешь меня –
Я ведь тоже рада.

Посижу на бережку –
Пусть волна искрится,
Разгоню печаль-тоску
И попою водицы.

Окунусь в зеленый шум
Берегов пологих,
Чистой влагой подышу
И омою ноги.

И вернется вдруг покой,
Свет окатит веки.
Кубалда – целитель мой
И любовь навеки!

Церковь Салаира

Деду Ивану

Церковь Салаира –
гордость и краса!
Купола возносишь
прямо в небеса.
Над тобою неба
голубой простор,
А вдали отроги
Салаирских гор.
Без вины распята –
ты ждала свой час,
Пусть людей разбудит
тихий Божий глас.
Повернутся люди
к вере и добру
И придут к забытой
церкви поутру.
Так всё и случилось:
в счастье и в беде
Потянулись души
светлые к тебе.
Новое рожденье
пережить дано...
Жаль, что дед не видит –
умер он давно.

2000 год

ВАЛЕНТИНА
ПЫРСИКОВА

Прозрачный воздух пахнет
диким медом,
И ветерок гуляет по полям.
Люблю я салаирскую
природу,
Что дарит радость
неизменно нам.
Люблю ее широкие
просторы,
Жужжанье пчел
и трели соловья,

И ввысь всегда
стремящиеся горы,
И звон воды
хрустального ручья.

...В моё окно летят
заката брызги,
Как будто капли
терпкого вина.
И вдруг я поняла,
что в этой жизни
Нам Родина
единожды дана.

ЕКАТЕРИНА
ГРОШЕВА

Моля малая родина

Моя малая родина,
край удивительный.
Воздух, хвоей настоящий,
очень целительный.
Край высоких сугробов
почти до небес.
Край, где летом шумит
изумительный лес.

Край, где золото предки
далекие мыли.
Край, сейчас о котором
слагают были.
Край искателей
руд золотых и песков.
Край, овеянный славой
моих земляков.

Моя малая родина,
вы мне поверьте,
Многих в годы войны
сберегала от смерти,
Родниковой водой,
как целительной влагой
Здесь лечила людей,
наполняла отвагой.

Эшелоны руды дорогой
и металла
Шли во все города
далеко за Уралом.
Странам всем помогала
она, и весь мир
Благодарен тебе,
мой родной Салаир.

Салаирская церковь

Салаирская церковь –
исторический храм.
На пригорке стоит,
всем открыт он ветрам,
Кружевною оградой
сейчас обнесен,
Из руин восстановлен,
для потомков спасен.
Белоснежен, красив,
манит всех он к себе,
Постоять, поразмыслить
и о жизни, судьбе,
И подумать о прошлом,
и как жили, живем,
Что мы детям оставим,
что с собою возьмем.
И идут сюда люди
постоять и послушать,

Помолчать в тишине,
согреть сердце и душу.
Салаирская церковь,
ты бела и светла,
Позолотой на солнце
пусть горят купола.

ЕВГЕНИЙ
ХУДОБИН

Крещение в Салаире

Опять в Салаире заносы
Сугробы до кровель домов.
А выше – до ковшиков
звёздных –
Столбы оловянных дымов.

Я встану пораньше
сегодня,
Когда над домами окрест
Прольется
со храма Господня
В крещенскую стын
благост.

Идут прихожане, их говор
Чуть слышен
в заснеженной тьме.
Встаёт
колыбельный мой город
На рудном высоком холме.
Иду, как при давней

погоде,
когда в бесшабашном пылу
Мне девочка
в маминой кофте
Впервые шепнула:

«Люблю».
Звенит колокольный мой
город.
Куда б ни уехал – зовёт.
Здесь бабушка
двери отворит,
Пожарче огонь разведет.

ВИКТОРИЯ
ГЛУХЕНЬКАЯ

Салаиру

Мой край родной,
Мой край любимый!
Мне очень дорог
образ твой.
Твои далекие вершины
Я вижу в дымке голубой.
Мой Салаир, мой городок,
Ты очень маленький,
но славный.
Я знаю каждый уголок,
Ведь для меня ты
самый главный.
Я родилась здесь,
здесь учусь,
Здесь у меня
друзья и школа,
Все тропки знаю наизусть
И с каждой улочкой
знакома.
И в час, когда
на сердце грусть
Или душа полна задора,
За все тебя благодарю,
Мой маленький,
но славный город!